

ний в метафразе, где отмечен ряд плеоназмов. Все стилистические инновации, в том числе приводящие и к несомненным потерям в художественном отношении, имеют у метафразы *целесообразный* характер. Его язык — язык общепотребительный, обиходный, как на лексико-грамматическом, так и на стилистическом уровнях. Вместе с тем Г. Хунгер справедливо отмечает прорывающиеся следы знакомства анонимного автора с риторическим искусством, его умелую работу стилиста.

Итак, мы имеем дело не с «вульгарно-язычной» или «народноязычной» метафразой, а с сочинением, таким же *литера-*

турным, как и сама «Алексиада», но написанным на языке другого рече-стилевого уровня. К сходным выводам приходит и Я.-Л. ван Дитен в анализе метафразы исторического повествования Никиты Хониата.

Таким образом, устанавливается место византийских метафраз в византийской литературе — с точки зрения их языковой «принадлежности», тенденцией языкового развития. Важно, однако, и определить их историко-культурное значение, их роль в литературной жизни византийцев. Решение этой задачи еще предстоит осуществить.

М. В. Бибиков

H ö r a n d n e r W. Der Prosarhythmus in der rhetorischen Literatur der Byzantiner. — Wiener Byzantinische Studien, 1981, Bd. XVI. 181 S.

За византийской литературой прочно укрепилась репутация риторичной. Верное в самых общих чертах, это представление из «ярлыка» превращается в содержательное понятие лишь при условии, если дается детальный анализ компонентов, внутренних пружинок, механизма того явления, с которым связывается эффект риторичности. Ритмическая организация византийской прозы — важнейшая сторона этого феномена. Исследование австрийского византиста В. Хэранднера направлено прежде всего на определение количественных показателей ритмического строения клаузул, метрической структуры прозаической фразы, соотношения различных типов ударения (*oxytona*, *paroxytona*, *proparoxytona*) у более чем тридцати различных византийских прозаиков — от Гимерия и Фемистия до Пахимера и Никифора Каллиста Ксанфопула. Материал распределен по авторам, чтобы выявить особенности ритмики произведений каждого из них, притом на основе сравнительно-статистических данных (в абсолютных и процентных показателях). Все цифровые выкладки сведены в удобные таблицы, помещенные в приложениях.

Однако статистика сама по себе, как отмечает автор во Введении, является в данном случае не самоцелью, но лишь отправной точкой осмысления практики ритмической организации византийской прозы. При необходимой формализации анализируемого материала добиться однозначных показателей, видимо, все-таки трудно: отсюда — различия в подсчетах у разных ученых (отмечу, например, поправки В. Хэранднера к анализу Р. Маизано текста энохония Никифора Василага).

В книге анализируются и категории, в которых сами византийцы формулировали стилистические требования к языку своей прозы (*ῥυθμοί*, *συνθήκαι*, *σχηματα*).

Некоторые наблюдения В. Хэранднера имеют важное методическое значение для понимания византийской культуры в целом. Так, исследователь связывает особенности ритмического строения византийской прозы с установкой на устное воспроизведение текста (речей, посланий, школьно-риторических упражнений), на звуковое, а не зрительное восприятие

этих сочинений — скорее слушателем, нежели читателем. Сравнивая византийскую культуру с античной, мы часто говорим о книжном, «молчаливом» индивидуализированном характере словесности в Византии в отличие от публичного ораторствования в классических Афинах. Верное само по себе наблюдение нуждается, вероятно, в уточнениях. Рецитация, устное чтение литературы в Византии не умирало совсем, а обрело новые черты и функции в виде литургического действия, выступлений панегиристов, произнесения тронных речей, наконец, даже в будничном обиходе — в форме школьной устной дидактики, диктовки при переписке рукописей в скрипториях.

Что касается рукописей в целом, то вопросы ритмического анализа византийского текста оказываются в прямой связи с палеографическими проблемами. В. Хэранднер поддерживает наблюдения К. Крумбахаера над пунктуацией в манускриптах: знаки препинания в списках прозаических сочинений составлялись писцами примерно с той же целью, что и вспомогательные значки для церковного чтения в литургических текстах.

Принципы ритмического анализа, разрабатываемые В. Хэранднером, помогают понимать и рукописные чтения. Показательно в этом отношении переиздание (по четырем спискам, включая и московский — ГИМ 292 Син.—260 Влад.) в рецензируемой книге этопии, известной в издании А. Пиньяни как сочинение Никифора Василага. Новые наблюдения над ритмической организацией произведения позволили исправить ряд чтений. Более того, этот анализ заставляет вновь вернуться к проблеме авторства памятника, приписываемого в большинстве списков Симеону Метафрасту, а не Никифору. По наблюдениям В. Хэранднера, этопия является произведением неизвестного автора, но, возможно, — и Никифора Василага.

Вообще же ритмические показатели строения фразы могут играть важную роль в установлении авторства. Это хорошо демонстрируется В. Хэранднером на примере спорных атрибуций сочинений Псевдо-Либания, жития Георгия Амастридского и других агнографических сочинений, *Σχέση μίος*, приписываемой Прод-

рому или Манасси. Впрочем, исследователь не переоценивает возможности ритмического анализа для определения авторства. Если при общем одинаковом ритмическом уровне прозы Продрома и Манасси типологические отличия в организации текста позволяют считать автором $\Sigma\chi\acute{\epsilon}\delta\omicron\tau$ $\mu\acute{\iota}\omicron\varsigma$ скорее Манасси, чем Продрома, то отдельные особенности сопоставляемых житий не дают пока возможности дать категорическое заключение об их атрибуции. Отмечу в этой связи, что подчас показатели ритмической организации весьма существенны в этом отношении (ибо они вытекают из имманентной, подлинной языковой природы авторского стиля и способны как бы обнаружить, «раскрыть» автора помимо его воли), — но лишь в комплексе с другими аргументами.

В связи с разработкой в книге Г. Хунгера анализируемых им сюжетов возникает ряд проблем, касающихся дальнейших исследований. Сам автор подчеркивает необходимость анализа — с предложенных в работе методических позиций — византийских документов, прежде всего

императорских и патриарших актов, проимой которых представляют собой совершеннейшие риторические сочинения. Результаты подобного анализа могут быть интересны при исследовании творческой эволюции того или иного византийского писателя, как это удачно сделано В. Хэравднером в эскизе об Иоанне Киннаме: различия в «организации» материала его юношеского риторического произведения и исторического труда характеризуют изменения, происшедшие в творческой манере писателя.

Наконец, встают и вопросы теоретического порядка. Устанавливая особенности ритмических клаузул у того или иного писателя, имеем ли мы дело со специфической индивидуальной стилистикой или же свойствами самого греческого языка? Иначе говоря, являются ли отмечаемые черты плодом авторских разработок или свойством данного языка вообще? Речь идет о соотношении общезыкового и речевого уровней литературного языка, а это — тема, еще нуждающаяся в углубленном осмыслении.

М. Бибиков

Der byzantinische Bilderstreit. Sozialökonomische Voraussetzungen — Ideologische Grundlagen — Geschichtliche Wirkungen / Hrsg. von I. Irmischer. Leipzig, 1980. 194 S.

Как видно из самого заглавия сборника статей участников Грейфсвальдского коллоквиума, состоявшегося в 1978 г. в ГДР, в книге учеными из ГДР, НРБ, ЧССР и СССР многопланово рассматривается сложный феномен византийской истории и культуры — иконоборческое движение 726—843 гг. Авторы не стремились дать однозначный ответ на вопросы о том, что послужило причиной возникновения этого движения и каковы его корни, но, напротив, старались изучить всю совокупность имеющихся точек зрения и определить то, как отразилось иконоборчество в сочинениях современников, как оно повлияло на историческую ситуацию VIII—IX вв. в целом. Материалы сборника можно условно сгруппировать в три тематических раздела: статьи о непосредственной истории этого движения, статьи, анализирующие некоторые взгляды на возможные причины его возникновения, статьи об отражении иконоборчества в произведениях современников и позднейших поколений.

К первому следует отнести работу Х.-Г. Тюммеля «Византийское иконоборчество. Состояние и перспективы исследования», которой открывается сборник. Тюммель вводит читателя в сложную внутреннюю и внешнеполитическую жизнь Византии в VIII в. (войны с болгарями и арабами, восстание Фомы Славянина, экономический спад, дворцовые интриги). На этом историческом фоне он характеризует существующие концепции возникновения иконоборческого движения. Проанализировав их («иконаборчество — духовная агрессия Востока», «борьба между государством и церковью», «возрождение культа императора» и «армия — важнейший фактор иконоборчества»), Тюммель не принимает целиком какую-либо концепцию, полагая, что движение это только

тогда может рассматриваться в качестве предлога для различных акций (каким оно и было во многих случаях), когда имелись непосредственно широкие иконоборчески настроенные общественные слои. Иными словами, в иконоборческом движении, по Тюммелю, надо учитывать прежде всего настроения самих иконоборцев, осуществлявших попытки возвращения к изначальной христианской общине, в которой иконопочитание являлось вовсе не обязательным. Свое утверждение он подкрепляет анализом «теории образа», высказываний «отцов церкви», сохранившихся вещественных памятников. Важно замечание автора о том, что после поражения иконоборчества иконопочитание становится полноправным и обязательным.

Ко второму тематическому направлению можно отнести статьи В. Брандеса (в соавторстве с Х. Милетой и С. Редель), В. В. Бычкова, К.-Г. Бернгардта, Г. Штрмайера, М. Лооса и М. Шпрингера.

Статья В. Брандеса и его соавторов «Социально-экономическая основа византийского иконоборчества. Вопросы и проблемы» посвящена экономике Византийской империи в исследуемый период. Учитывая взгляды Г. А. Острогорского, М. В. Левченко и К. Н. Успенского на земельные отношения того времени, исследователи самым детальным образом анализируют точку зрения М. Я. Сюжюмова, согласно которой императоры-иконаборцы видели в монастырях прежде всего средоточие денежных ресурсов. Будучи не в состоянии поправить финансовое положение империи путем расширения площади обрабатываемых земель (в силу нехватки рабочих рук), они обратили свои взгляды на монастыри. В Брандес и другие, осознала всю сложность иссле-